

Жан-Габриель Тард

Законы подражания

Les lois de l'imitation

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ж27

Ж27 **Жан-Габриель Тард**
Законы подражания: Les lois de l'imitation / Жан-Габриель Тард – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 378 с.

ISBN 978-5-458-10384-8

ISBN 978-5-458-10384-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемой читателю книгѣ я старался выставить съ возможно болѣею отчетливостію на видъ чисто *соціальную* сторону фактовъ, относящихся до человѣка, выдѣляя изъ послѣднихъ всю чисто біологическую или физическую ихъ сторону. При этомъ однако оказалось, что именно та самая точка зрѣнія, благодаря которой мнѣ удалось достигнуть раздѣленія изучаемыхъ фактовъ на упомянутыя категоріи, указала мнѣ существованіе въ высшей степени многочисленныхъ, чрезвычайно далеко идущихъ и въ высшей степени естественныхъ аналогій между соціальными явленіями и явленіями физическими и біологическими. Втеченіи многихъ уже лѣтъ я въ различныхъ статьяхъ журнала «*Revue Philosophique*» излагалъ и развивалъ основную мою идею, про которую одинъ изъ величайшихъ французскихъ историковъ-философовъ имѣлъ любезность письменно заявить мнѣ, что она представляетъ собою какъ-бы ключъ, способный отворять почти всѣ замки. Въ то время, какъ я писалъ означенныя статьи, нынѣшній трудъ былъ у меня уже задуманъ, такъ что многія изъ упомянутыхъ статей могли удобно войти въ его составъ въ качествѣ отдѣльныхъ главъ. Соціологи, дѣлавшіе мнѣ иногда честь обращать нѣкоторое вниманіе на мои воззрѣнія, получаютъ теперь возможность отнестись къ нимъ крити-

чески (если признають это умѣстнымъ) уже на основаніи обстоятельнаго съ ними знакомства, а не по отрывочнымъ даннымъ. Я охотно примирюсь съ строгимъ приговоромъ, въ случаѣ если критикъ, направивъ его по моему личному адресу, въ то-же время отнесется благосклонно къ моей идеѣ, что представляется само по себѣ возможнымъ. Подобно тому, какъ сѣмя, упавшее въ землю, можетъ найти ее для себя недостаточно пригодной, я тоже могъ оказаться недостаточно подготовленнымъ для развитія моей идеи. Желательно, чтобы въ такомъ случаѣ она, благодаря этой книгѣ, могла быть усвоена умомъ, лучше подготовленнымъ для ея надлежащей культивировки.

Я старался составить очеркъ общей социологіи. Законы этой науки въ томъ смыслѣ, какъ я ее понимаю, примѣнимы по существу дѣла ко всѣмъ нынѣшнимъ, минувшимъ или-же возможнымъ когда-либо обществамъ, подобно тому какъ законы общей фізіологіи примѣнимы ко всѣмъ живущимъ теперь, угасшимъ, или даже возможнымъ въ воображеніи видамъ живыхъ существъ. Не спорю, что несравненно легче постановить и даже доказать принципы общей социологіи, отличающіеся въ одинаковой степени какъ простотой, такъ и всеобщностью, чѣмъ прослѣдить ихъ въ лабиринтѣ частныхъ случаевъ, къ которымъ они примѣняются, но тѣмъ не менѣе необходимо все-таки формулировать эти принципы.

Необходимо замѣтить, что въ былое время подъ философіей исторіи и философіей природы подразумѣвали узкую систему историческаго объясненія, или-же научнаго истолкованія, задававшуюся цѣлью уяснить смыслъ всего ряда историческихъ фактовъ, или явленій природы, но такимъ образомъ, чтобы при этомъ исключалась возможность всякой иной группировки и всякаго иного развертыванія въ рядъ. Отсюда происходитъ и

неудачность всѣхъ подобныхъ попытокъ. Дѣйствительно существующее объяснимо не иначе, какъ въ связи съ безпредѣльностью возможнаго (т. е. способнаго стать при нѣкоторыхъ условіяхъ необходимымъ), гдѣ оно является какъ-бы въ положеніи звѣзды, находящейся въ безпредѣльномъ пространствѣ. Даже самая идея о существованіи закона имѣетъ въ своей основѣ представленіе о такомъ звѣздномъ небѣ реальныхъ фактовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ природѣ все строго опредѣлено и что если разъ даны первичныя неизвѣстныя намъ условія нынѣ существующаго, оно никоимъ образомъ не могло стать ничѣмъ инымъ. Но тутъ естественно возникаетъ вопросъ, отчего именно должны были имѣться данныя, а не какія-либо иныя первичныя условія. Поэтому въ основѣ необходимаго лежитъ, если можно такъ выразиться, нѣкоторая ирраціональность. Поэтому-же какъ въ области физическихъ и біологическихъ, такъ и въ области социальныхъ явленій осуществленное кажется лишь ничтожною долей осуществимаго. Взглянувъ на звѣздное небо, мы видимъ тамъ какъ-бы произволь въ распредѣленіи солнцъ и туманныхъ пятенъ—что-то разбросанное и какъ-бы составленное изъ кусковъ. Подобнымъ-же образомъ фауны и флоры поражаютъ насъ своею странностью. Такое-же впечатлѣніе производитъ изуродованный и безсвязный видъ социальныхъ группъ, которыя, прилегая одна къ другой, образуютъ въ общей сложности какой-то хаосъ, гдѣ незаконченные наброски новаго смѣшиваются съ развалинами отжившаго. Какъ въ этихъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, указываемыхъ нами попутно на своемъ мѣстѣ, обнаруживается полнѣйшее сходство между тремя великими категоріями дѣйствительно существующаго.

Имѣющаяся въ этой книгѣ глава «О логическихъ законахъ подражанія» представляетъ собою какъ-бы ос-

новой камень, играющій роль звена между означенной книгой и послѣдующимъ трудомъ, который будетъ служить для нея дополненіемъ. Еслибъ я изложилъ предметъ, трактуемый въ этой главѣ, настолько обстоятельно, насколько оказывается возможнымъ, то вышелъ-бы изъ рамокъ, поставленныхъ мною самимъ для этой книги.

Проводимыя мною идеи могли-бы, какъ мнѣ кажется, доставить новыя рѣшенія для политическихъ и другихъ вопросовъ, по которымъ обнаруживается теперь разногласіе. Я не призналъ однако умѣстнымъ выводить эти рѣшенія. По всей вѣроятности, читатели не поставятъ мнѣ въ упрекъ того, что я упустилъ такимъ образомъ случай приноровить свою книгу къ требованіямъ злобы дня. Повторяю, этого нельзя было сдѣлать — не выходя изъ рамокъ задуманнаго мною труда.

Ж. Тардъ.

ЗАКОНЫ ПОДРАЖАНІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Всеобщность повторенія.

I.

Гдѣ должны найти себѣ мѣсто социальные факты—въ наукѣ, или только въ исторіи, или лишь въ философіи? Съ этимъ вопросомъ постоянно приходится считаться, хотя собственно говоря социальные факты, если разсматривать ихъ поближе и подѣ известнымъ угломъ, могутъ быть, такъ-же какъ и всякіе другіе, разложены въ ряды мелкихъ однородныхъ фактовъ и выражены въ формулахъ, называемыхъ законами и представляющихъ собою резюме этихъ рядовъ. Почему, дѣйствительно, такъ случилось, что социальная наука до сихъ поръ находится всего лишь въ зародышѣ или, самое большее, только-что народилась среди всѣхъ своихъ прочихъ сестеръ, уже зрѣлыхъ и вполне окрѣпшихъ? Главная причина этого, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что въ данномъ случаѣ, гоняясь за тѣнью, опускали изъ виду самый предметъ, споря изъ-за словъ, забывали о дѣлѣ. Полагали, что *соціологию* не иначе можно придать научную окраску, какъ только присвоивъ ей біологическій или, еще лучше, механический характеръ. А это все равно, что стараться освѣтить известное неизвѣстнымъ, стараться представить солнечную систему въ видѣ неразложимаго туманнаго пятна, чтобы лучше понять ее. Въ области социальныхъ явленій намъ приходится имѣть дѣло—и это составляетъ исключитель-

ную привилегію этой области — съ непосредственными причинами, съ индивидуальными поступками, представляющими факты, совершаемые человѣкомъ, что абсолютно недоступно нашимъ взорамъ во всякой другой области. Такимъ образомъ казалось бы, что намъ незачѣмъ прибѣгать при объясненіи социальныхъ явленій къ такъ называемымъ всеобщимъ причинамъ, создаваемымъ физиками и натуралистами по необходимости и извѣстнымъ подъ названіями силъ, энергій, условій существованія и другихъ словесныхъ палліативовъ, прикрывающихъ невѣдѣніе непосредственной сущности вещей. Но развѣ можно скажутъ намъ, разсматривать человѣческіе поступки, какъ единственные факторы исторіи? Это уже что-то слишкомъ просто. И мы считаемъ своей обязанностью придумывать другія причины по типу указанныхъ полезныхъ фикцій, получающихъ въ своихъ сферахъ принудительное обращеніе, и радуемся, что, обозрѣвая такимъ образомъ человѣческія дѣла съ крайне приподнятой точки зрѣнія, даже теряя ихъ собственно изъ виду, мы можемъ иногда придать имъ совершенно безличную окраску. Будемъ остерегаться этого смутнаго идеализма; будемъ остерегаться также и того банальнаго индивидуализма, который объясняетъ социальные измѣненія капризами великихъ людей. Признаемъ скорѣе, что измѣненія эти объясняются возникновеніемъ случайныхъ въ извѣстной степени (насколько дѣло идетъ о мѣстѣ и времени) великихъ идей, или вѣрнѣе значительнаго числа идей, мелкихъ и крупныхъ, простыхъ и сложныхъ, чаще всего незамѣтныхъ при ихъ зарожденіи, по большей части не громкихъ, обыкновенно анонимныхъ, но всегда новыхъ; въ виду этого я позволяю себѣ назвать ихъ общимъ именемъ *изобретеній* или *открытій*. Подъ этими двумя терминами я понимаю всякое нововведеніе или всякое дальнѣйшее улучшеніе предшествовавшего нововведенія во всякаго рода социальныхъ явленіяхъ: въ языкѣ, религіи, политикѣ, правѣ, промышленности, искусствѣ. Въ тотъ моментъ, когда человѣкъ задумываетъ или рѣшаетъ подобное нововведеніе — мелкое или крупное, безразлично, на внѣшней поверхности общественной жизни все повидимому сохраняетъ свой прежній неизмѣнный видъ, все равно какъ и животный организмъ нисколько не мѣняется своего физическаго вида въ то время, когда въ него проникаетъ губительный или благотворительный микробъ; и эти постепенныя измѣненія, вызываемыя введеніемъ живого элемента въ об-

щественный организмъ, кажутся, благодаря видимой непрерывности явленій, какъ-бы дальнѣйшимъ продолженіемъ предшествующихъ измѣненій, въ русло которыхъ они попадаютъ. Отсюда возникаетъ обманчивая идея, заставляющая историковъ-философовъ допускать дѣйствительную, лежащую якобы въ основѣ всего, непрерывность историческихъ метаморфозъ. Истинныя причины этихъ послѣднихъ слѣдуетъ однако искать въ цѣпи идей, хотя весьма многочисленныхъ, но раздѣльных и не представляющихъ непрерывности, хотя и соединенныхъ между собою актами подражанія, еще болѣе многочисленными чѣмъ акты, служащіе имъ образцами. Необходимо стать на эту точку зрѣнія и исходить изъ этихъ новаторскихъ начинаній, которыя, внося въ міръ одновременно и новыя потребности, и новыя средства удовлетворенія ихъ, распространяются или имѣютъ тенденцію распространяться путемъ подражанія, вынужденнаго или добровольнаго, обдуманнаго или безсознательнаго—распространяться болѣе или менѣе быстро, но правильно, подобно свѣтовой волнѣ, подобно семьѣ термитовъ. Правильность эта не бросается непосредственно въ глаза; но если мы разложимъ социальные факты на ихъ составные элементы, то найдемъ въ каждомъ изъ нихъ, даже въ самомъ простѣйшемъ, различныя, комбинируемыя изобрѣтенія, молніи генія, накопленныя и превращенныя въ обыденные источники свѣта. Однако сдѣлать такой анализъ очень нелегко. Въ общественномъ отношеніи, все оказывается изобрѣтеніями и подражаніями; подражанія—это рѣки, вытекающія изъ тѣхъ горъ, что представляютъ собой изобрѣтенія. Конечно, нѣтъ ничего проще такой точки зрѣнія; но если мы будемъ смѣло придерживаться ея, не станемъ дѣлать никакихъ уклоненій въ сторону, будемъ примѣнять ее какъ къ самымъ ничтожнымъ мелочамъ, такъ и къ цѣлой совокупности фактовъ, то быть можетъ убѣдимся, насколько, благодаря ей, всякій пейзажъ выигрываетъ въ своихъ краскахъ и какія перспективы, несмотря на всю простоту исторіи, открываются при этомъ: перспективы—то причудливыя, какъ горный пейзажъ, то правильныя, какъ аллея парка. Это, если хотите, все еще идеализмъ, но идеализмъ, стремящійся объяснить исторію идеями ея дѣятелей, а не идеями историка.

Прежде всего, — и это составляетъ спеціальныя тезисъ настоящей главы, — съ указанной точки зрѣнія предметъ социальной науки представляетъ замѣчательную аналогію съ предметами

другихъ областей всеобщаго знанія и, такъ сказать, приобщается ко всей остальной природѣ, на лонѣ которой онъ являлся до сихъ поръ какимъ-то постороннимъ предметомъ.

Во всякой сферѣ изслѣдованія сначала устанавливаются чистыя и простыя утвержденія, и затѣмъ уже, много спустя, являются объясненія. И то, что просто констатируется, повсюду составляетъ первоначальныя данныя, случайныя и странныя основныя посылки и источники, изъ которыхъ вытекаетъ все подлежащее объясненію. Существуютъ или существовали такія-то туманныя пятна, такія-то небесныя тѣла такого-то размѣра, такого-то объема, на такомъ-то разстояніи; существуютъ такіе-то химическіе элементы; существуютъ такого-то рода эфирныя вибраціи, называемыя свѣтомъ, электричествомъ, магнетизмомъ; существуютъ такіе-то основныя органическіе типы, и прежде всего — животныя и растенія; существуютъ такія-то цѣпи горъ, называемыя Альпами или Андами, и т. д. Когда астрономъ, химикъ, физикъ, естествоиспытатель, географъ излагаютъ передъ нами эти основныя факты, изъ которыхъ выводится все остальное, представляетъ-ли ихъ трудъ собственно трудъ ученаго? Нѣтъ, они просто *констатируютъ*, и въ данномъ случаѣ являются такими-же хроникерами, какъ и писатель, рассказывающій о походѣ Александра или объ открытіи книгопечатанія. Если между ними и существуетъ какая-либо разница, то, какъ увидимъ ниже, всецѣло въ пользу историка. Что-же знаемъ мы въ *научномъ* смыслѣ слова? — Причины и цѣли, безъ сомнѣнія отвѣтятъ намъ; и когда мы находимъ, что два различныя явленія обуславливаютъ другъ друга или ведутъ вмѣстѣ къ одной общей цѣли, то мы говоримъ, что объяснили ихъ себѣ. Однако представимъ себѣ такой міръ явленій, гдѣ ничто не походитъ одно на другое, гдѣ ничто не повторяется; гипотеза странная, но строго говоря допустимая, представимъ себѣ міръ однихъ неожиданностей и однихъ новшествъ, гдѣ творческое воображеніе, лишенное всякой памяти, пользуется полнымъ просторомъ, гдѣ движенія небесныхъ свѣтилъ не знаютъ никакихъ періодовъ, колебанія эфира — никакого ритма, послѣдовательно проходящія поколѣвія — никакого общаго характера и наслѣдственнаго типа. Несмотря на все это, ничто не мѣшаетъ намъ допустить, что всякое явленіе въ такой фантазмагоріи представляетъ продуктъ другого явленія, обуславливается имъ и въ свою очередь вызываетъ собою новое яв-

леніе. Здѣсь также могутъ быть свои причины и цѣли. Но было-ли бы въ подобномъ мірѣ мѣсто знанію, какой бы то ни было наукѣ? Нѣтъ; и почему? потому опять-таки, что здѣсь не было бы ни сходства, ни повторенія.

Въ этомъ все дѣло. Знаніе причинъ даетъ иногда возможность предвидѣть будущее; но знаніе сходствъ даетъ всегда возможность считать и измѣрять; а всякое знаніе прежде всего держится на числѣ и измѣреніи. Впрочемъ существенное не составляетъ еще всего. Разъ новая отрасль науки нашла сферу сходствъ и повтореній, подлежащихъ ся вѣдѣнію, она должна сравнивать ихъ между собою, слѣдить за той связующей нитью, которая проходитъ черезъ сопутствующія имъ измѣненія. Но, собственно говоря, нашъ умъ понимаетъ и допускаетъ опредѣлительнымъ образомъ связь причины со слѣдствіемъ лишь настолько, насколько слѣдствіе походитъ на причину, повторяетъ причину, какъ на примѣръ въ томъ случаѣ, когда звуковое колебаніе порождаетъ другое звуковое колебаніе или одна клѣточка порождаетъ другую подобную ей клѣточку. Нѣтъ ничего, скажутъ намъ, таинственнѣе именно этихъ воспроизведеній. Это—вѣрно; но разъ мы примемъ эту тайну, подобные ряды представлять для насъ болѣе понятное явленіе. За то всякій разъ, когда *произвести* не означаетъ *воспроизвести*, все становится для насъ непонятнымъ ¹⁾.

Когда сходные предметы составляютъ части одного и того-же цѣлаго, или принимаются за таковыя, какъ на примѣръ, молекулы водорода, или древесныя клѣточки одного и того-же дерева, или солдаты одного и того-же полка, то совокупность такихъ сходныхъ элементовъ принимаетъ названіе количества, а не просто группы. Когда, въ другомъ случаѣ, *повторяющіеся* предметы, умножаясь, остаются связанными одни съ другими, какъ на примѣръ, тепловыя или электрическія колебанія, согревающія или электризующія тѣло все болѣе и болѣе по мѣрѣ

¹⁾ Научное пониманіе не должно обязательно имѣть свою точку отправленія самыя маленькія, гипотетическія и невидимыя частицы вещества. Оно возникаетъ повсюду тамъ, гдѣ матерія образуетъ единицы одинаковаго порядка, дающія возможность сравнивать ихъ между собою и измѣрять одніъ другими, повсюду, гдѣ эти единицы соединяются въ сложныя единицы болѣе высокаго порядка, являясь сами по себѣ мѣрой при сравненіи этихъ послѣднихъ (Von Naegeli, Discours au congrès des natural. allem. en 1877).

своего накопленія внутри его массы, или однородныя кѣтки, постоянно умножающіяся въ тѣлѣ растущаго ребенка, или прозелиты при распространеніи извѣстной религіи путемъ обращенія невѣрныхъ, — тогда повторенія называются наростаніемъ, а не просто рядами. Во всемъ этомъ я не нахожу ничего такого, что заставляло-бы обособлять предметъ соціальной науки.

Кромѣ того, количества или группы, наростанія или ряды, сходства, повторенія явленій — внутреннихъ или внѣшнихъ все равно, суть необходимыя условія для всевозможныхъ дифференціацій и варіацій; это тоже, что канва для узоровъ, или такты для музыки. Фантасмагорическій міръ, на который я только-что указывалъ, былъ-бы въ дѣйствительности наименѣе разнообразнымъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Накопленіе однородныхъ дѣйствій, точно скопированныхъ одни съ другихъ, вносить несомнѣнно гораздо больше обновленія въ наши общества, чѣмъ всякая революція. И можно-ли указать на что-нибудь болѣе скучное и однообразное, чѣмъ независимая жизнь дикаря въ сравненіи съ связанною разными ограниченіями жизнью цивилизованнаго человѣка? Возможенъ-ли былъ-бы прогрессъ въ мірѣ органическомъ безъ наслѣдственности? А все это роскошное разнообразіе геологическихъ эпохъ и живыхъ существъ, возможно-ли было-бы оно безъ періодичности небесныхъ движеній, безъ волнообразнаго ритма движеній земныхъ?

Повторенія слѣдовательно необходимы для видоизмѣненій. Если мы допустимъ противное, то необходимость смерти — проблема, считаемая Дельбефомъ почти неразрѣшимой въ его книгѣ о безформенной и живой матеріи — остается непонятной; въ самомъ дѣлѣ, почему-бы живому кубарю, разъ пущенному, не вращаться вѣчно? Но согласно гипотезѣ, что повторенія имѣютъ единственно лишь тотъ смыслъ, чтобъ показать во всевозможныхъ проявленіяхъ одну только оригинальность, ищущую для себя выраженія, — смерть должна фатально наступать всякій разъ, когда возможныя модуляціи будутъ исчерпаны. Замѣтимъ здѣсь кстати, что отношеніе общаго къ частному, источникъ всѣхъ философскихъ споровъ въ средніе вѣка по поводу номинализма и реализма, есть именно такое отношеніе повторенія къ измѣненію. *Номинализмъ*, это — доктрина, согласно которой индивиды суть единственные реаль-